

КРИТИКА КАРТЕЗИАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЗНАНИЯ О СЕБЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ СТРАТЕГИЙ*

Козырева Ольга Александровна – кандидат философских наук, ассистент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. Ассистент. Уральский государственный медицинский университет. Российская Федерация, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; e-mail: olgakozyreva@mail.ru

В статье представлены основные стратегии критики картезианской концепции знания о себе в аналитической англоязычной философии. Выделяются четыре базовых аспекта данной концепции: метафизический (как обосновываются свойства знания о себе), методологический (каким способом приобретает знание о себе), семантический (каков источник содержания ментальных состояний) и логико-эпистемический (каков формальный коррелят знания о себе). Рассматриваются четыре соответствующих выделенным аспектам стратегии их критики: критика метафизического аспекта состоит в отказе от тезиса о приватности ментальных состояний, критика методологического аспекта – в отказе от представления об интроспекции по аналогии с восприятием объектов внешнего мира, критика семантического аспекта – в отказе от интерналистской идеи о том, что содержание ментальных состояний не детерминировано внешними факторами, и, наконец, критика логико-эпистемического аспекта – в отказе от соблюдения КК-принципа. Дается краткая оценка эффективности данных стратегий критики.

Ключевые слова: знание о себе, картезианство, аналитическая философия, ментальное состояние, приватность, интроспекция, интернализм, КК-принцип

CRITICISM OF CARTESIAN ACCOUNT OF SELF-KNOWLEDGE IN ENGLISH-SPEAKING ANALYTIC PHILOSOPHY: OVERVIEW OF THE MAIN STRATEGIES

Olga A. Kozyreva – PhD in Philosophy, Assistant Lecturer. Ural Federal University named

The article presents an overview of the main strategies of criticizing the Cartesian account of self-knowledge in English-speaking analytic philosophy. First, I distinguish four basic aspects of the Cartesian account of self-knowledge: metaphysical, methodological,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50333. The reported study was funded by RFBR, project No. 20-111-50333.

after the first President of Russia B.N. Yeltsin.
19 Mira St., Ekaterinburg,
620002, Russian Federation.
Assistant Lecturer. Ural State
Medical University.
3 Repina St., Ekaterinburg,
620028, Russian Federation;
e-mail: olgakozyreva@mail.ru

semantic, and epistemic ones. The first aspect deals with the justification of distinctive features of self-knowledge; the second aspect concerns the way the agent gains self-knowledge; the third aspect is about the content of mental states, and the last one is about formal principles of self-knowledge. Second, I examine four critical strategies. The criticism on the metaphysical aspect consists in denying the privacy of mental states thesis; the criticism on the methodological aspect refutes the perceptual model for introspection; the criticism on the semantic aspect rejects the internalism, i.e., the external factors do not determine the content of mental states; the criticism on the epistemic aspect involves the KK-principle failure. Finally, I briefly assess the efficiency of these critical strategies.

Keywords: self-knowledge, Cartesianism, analytic philosophy, mental state, privacy, introspection, internalism, KK-principle

В англоязычной аналитической философии проблема знания о себе (self-knowledge) традиционно обсуждается в контексте критики картезианского представления¹ о том, как агент приобретает знание о своих ментальных состояниях. Аналитические философы предлагают собственные теории, объясняющие специфику высказываний агента, в которых он приписывает себе наличие определенных ментальных состояний, отталкиваясь именно от картезианской концепции знания о себе. В настоящей статье я дам наиболее общую характеристику этой концепции и представлю обзор четырех основных стратегий ее критики, реализующихся в англоязычной аналитической философии. Первая стратегия предполагает отказ от метафизического тезиса о приватности ментальных состояний агента, лежащего в основании картезианской концепции. Вторая стратегия направлена на развенчание картезианской идеи привилегированного доступа агента к своим ментальным состояниям, которая конкретизируется посредством признания у агента наличия способности к интроспекции. В качестве третьей стратегии критики картезианства выступает доказательство несостоятельности семантического интернализма в отношении содержания ментальных состояний агента. Четвертая стратегия критики сосредотачивается на анализе одного из основных эпистемических принципов – КК-принципа, – который принимается в картезианской концепции знания о себе. В силу ограничений по объему статьи критика обозначенных стратегий и оценка их успешности анализироваться не будут.

¹ Под картезианством понимается не столько философия самого Р. Декарта, сколько обобщенное представление, существующее в среде англоязычных аналитических философов, о том, каковой была философия Р. Декарта и его последователей.

Основные аспекты картезианской концепции знания о себе

Под знанием о себе традиционно понимается знание агента о ментальном состоянии, в котором он находится, и о содержании этого ментального состояния. Это знание выражается в формулировке агентом высказываний типа «я убежден, что», «я желаю, что», «я чувствую, что» и т.д. В картезианстве полагается, что подобные высказывания отличаются от высказываний об объектах окружающего мира (включая ментальные состояния других агентов), так как основания для их произнесения агентом отличаются от оснований для произнесения последних. А именно: у агента имеется особый эпистемический доступ к своим ментальным состояниям, благодаря которому его знание об этих состояниях обладает необходимой истинностью. Представляется, что наиболее удобным способом охарактеризовать картезианскую концепцию знания о себе является выделение четырех основных аспектов данной концепции – метафизического, методологического, семантического и логико-эпистемического.

Метафизический аспект заключается в указании на то, что основанием возможности знания о себе в картезианстве выступает тезис о приватности ментальных состояний агента. Смысл данного тезиса состоит в том, что ментальному состоянию приписывается свойство приватности тогда и только тогда, когда непосредственный эпистемический доступ к этому состоянию имеется только у самого агента: «Все (причем исключительно) ментальные явления являются существенно приватными или все (причем исключительно) ментальные явления являются существенно такими, что для каждого наличествующего ментального явления имеется агент, чье эпистемическое отношение к этому явлению, как правило, тем или иным образом главенствует над эпистемическими отношениями к этому явлению всех других агентов» [Bailey, 1979, p. 2]. Свойство приватности понимается как сущностное свойство ментальных состояний и поэтому выступает критерием отличия ментального от физического. Именно тот факт, что ментальные состояния в картезианстве являются приватными, обосновывает то, что знание агента об этих состояниях считается непогрешимым (*incorrigible*) – т.е. невозможно, чтобы агент ошибался в том, в каком ментальном состоянии он находится, – и безосновным (*groundless*) – т.е. таким знанием, которое не основано ни на наблюдении агента за своим поведением, ни на умозаключении.

В рамках методологического аспекта картезианской концепции знания о себе ставится вопрос о том, как агент узнает о своих ментальных состояниях. Метафизический тезис о приватности ментальных состояний коррелирует с тезисом о привилегированном доступе

агента к ним, согласно которому у агента имеется непосредственный эпистемический доступ к своим ментальным состояниям, который отсутствует у других агентов. Последние могут узнать о ментальных состояниях агента только опосредованно – наблюдая за его поведением или доверяя его высказываниям о самом себе. Агент же обладает особой способностью, благодаря которой реализуется этот привилегированный доступ, – способностью к интроспекции. В картезианстве² интроспекция понимается по аналогии с восприятием объектов внешнего мира, т.е. как квазивосприятие: агент наблюдает за своими ментальными состояниями, которые находятся внутри него, точно так же, как он наблюдает за объектами окружающего мира, которые находятся вовне его. Поскольку процесс интроспекции конкретизируется посредством указания на процесс наблюдения, картезианское представление о том, как агент приобретает знание о своих ментальных состояниях, зачастую именуют наблюдательной концепцией знания о себе.

Семантический аспект данной концепции заключается в признании истинности интернализма – позиции, согласно которой значения слов, а также содержание ментальных состояний агента «фундаментальным образом независимы от природы эмпирического мира и социального» [Burge, 1986, p. 118]. По этой причине для картезианца содержание ментальных состояний агента локально супервертно на внутренне присущих свойствах его ментального, но не на свойствах внешнего для этого агента мира. Когда картезианец пытается объяснить ментальные состояния агента, он пытается объяснить его внутренние диспозиции к схватыванию содержаний этих состояний, и поэтому агент в картезианской концепции знания о себе приобретает знание о содержании своих ментальных состояний только в результате правильного функционирования своей способности к интроспекции данных состояний.

Логико-эпистемический аспект картезианской концепции знания о себе представлен, прежде всего, КК-принципом (или аксиомой позитивной интроспекции), гласящим, что если агент знает, что p , то он знает о том, что он знает, что p . Этот принцип эпистемической логики, разработанной Я. Хинтиikka [Hintikka, 1962, p. 145–146] в качестве подвида модальной логики, переходит в нее по наследству из модальной логики, где в льюисовской системе $S4$ добавляется аксиома, выражающая принцип необходимой необходимости: $\Box p \rightarrow \Box \Box p$. По аналогии с этим принципом в системе $S4$ эпистемической логики должен соблюдаться и принцип $Kp \rightarrow KKp$, где K – модальный

² Подобное понимание интроспекции характерно не только для картезианства, но и для множества других новоевропейских мыслителей. В частности, наиболее распространенным является указание на Дж. Локка как на сторонника такого понимания [Myers, 1986, p. 199].

оператор знания. Фактически данный принцип конкретизирует картезианскую концепцию знания о себе, в которой из знания агента о некотором положении дел в мире следует то, что агент знает о имеющемся у него знании об этом положении дел в мире [Stalnaker, 2015].

Критика метафизического аспекта картезианской концепции знания о себе

Тезис о приватности ментальных состояний критикуется англоязычными аналитическими философами преимущественно имплицитным образом – посредством критики тех существенных свойств знания о себе, которые основаны на принятии этого тезиса. Другими словами, стратегия критики метафизического аспекта картезианской концепции знания о себе состоит в том, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать отсутствие у знания о себе такого свойства, как бесосновность, а с другой стороны, указать на то, что наличие у знания о себе свойства непогрешимости не должно обосновываться метафизически, т.е. посредством ссылки на приватный характер ментальных состояний агента и связанную с ним способность агента делать с необходимостью истинные высказывания о своих ментальных состояниях.

Первая из обозначенных стратегий реализуется в контексте указания на то, что знание о себе не является «когнитивным достижением» [Fricker, 1988, p. 173], в то время как знание об объектах внешнего мира «обычно является результатом подобного “когнитивного достижения” <...> такого, что в случае, если агент не достиг этого знания или оно не случилось с ним, то у агента не сформируется убеждение о том, что в мире существует некоторый факт или объект. В ситуации со знанием о себе обычно нет ни подобной когнитивной активности, ни ее аналогов, которые требуются для того, чтобы поверить в то, что некто находится в некотором ментальном состоянии» [Bilgrami, 2006, p. 31]. Фактически в картезианстве приписывание свойства бесосновности знанию о себе эквивалентно утверждению о том, что знание о себе не является «когнитивным достижением», что, в свою очередь, эквивалентно утверждению о том, что знание о себе отличается от знания объектов внешнего мира или ментальных состояний других агентов. Англоязычные аналитические философы демонстрируют, что данная эквивалентность сомнительна и знание агента о своих ментальных состояниях не отличается принципиальным образом от его знания о ментальных состояниях других агентов и от знания объектов внешнего мира.

Так, К. Кассам отмечает, что свойство бесосновности не является уникальным свойством знания о себе, так как возможны такие

ситуации, при которых знание об объектах внешнего мира тоже обладает этим свойством: «(1) когда кто-либо видит, что *P*, ставится вопрос о том, действительно ли *P*, (2) видеть, что *P*, влечет за собой *P*, и (3) когда кто-либо знает, что *P*, посредством того, что он видит, что *P*, он не делает вывода или умозаключения, что *P*. (1) само по себе недостаточно для того, чтобы отличить знание восприятия от знания, основанного на свидетельствах, так как можно иметь свидетельства того, что *P*, которые ставят вопрос, действительно ли *P* имеет место. Напротив, (2) и (3) имплицируют, что видеть, что *P*, не описывается должным образом как нахождение свидетельств, что *P*, или указание на то, что *P*» [Cassam, 2009, р. 9]. Но даже если бы свойство бесосновности отсутствовало у знания об объектах внешнего мира, у нас всё равно не было бы причин приписывать это свойство знанию о себе: К. Кассам утверждает, что агент приобретает знание о себе посредством рассуждения, которое выступает в роли основания для знания [Cassam, 2014, р. 137–170].

Г. Райл и П. Каррутерс настаивают на том же самом, т.е. на том, что агент приобретает знание о своих ментальных состояниях тем же самым способом, каким приобретает знание о ментальных состояниях окружающих его других агентов. Г. Райл утверждает, что «вид фактов, которые я могу обнаружить о себе, не отличается от вида фактов, которые я могу обнаружить о других людях, и методы их обнаружения практически одни и те же» [Ryle, 2009, р. 137–138]. Будучи сторонником позиции логического бихевиоризма, Г. Райл видит в качестве основного метода обнаружения ментальных состояний диспозициональный анализ, в рамках которого диспозиция понимается как готовность агента к осуществлению действия, требуемого для достижения какой-либо цели. Агент наблюдает за поведением других агентов и, исходя из этого, делает вывод о том, в каких ментальных состояниях они находятся. Точно так же агент анализирует, какие диспозиции имеются у него самого в определенный момент, т.е. к совершению каких действий он готов, и на основании этого заключает, в каком ментальном состоянии он находится.

П. Каррутерс не прибегает к использованию понятия диспозиции, однако он также считает, что знание о себе «в принципе не отличается от знания, которое имеется у нас о ментальных состояниях других людей, и приобретается одной и той же ментальной способностью» [Caruthers, 2011, р. XI–XII]. Развиваемая им теория интерпретативного сенсорного доступа (*interpretive sensory-access theory*) предполагает, что у агента имеется единая ментальная способность – телепатическая способность (*mindreading faculty*), отвечающая за приписывание ментальных состояний как ему самому, так и другим агентам. Благодаря этой способности агент может принимать на входе определенные сенсорные данные от восприятия, проприоцепции и т.д., интерпретировать их и затем приписывать себе или другим агентам наличие определенных

ментальных состояний. Основной пресуппозицией концепций знания о себе П. Каррутерса и Г. Райла является как раз утверждение о том, что ментальные состояния не имеют свойства приватности. Именно благодаря отсутствию этого свойства агенту становятся доступны для познания ментальные состояния других агентов, а знание о собственных ментальных состояниях рассматривается как «когнитивное достижение».

Сторонники второй стратегии критики метафизического аспекта картезианской концепции знания о себе сосредотачиваются на демонстрации того, что свойство непогрешимости у знания о себе обосновывается за счет его языкового и/или социального характера, а не за счет метафизического по своей природе тезиса о приватности ментальных состояний, как это происходит в картезианстве. В качестве основных представителей данной стратегии критики можно выделить К. Райта, Д. Дэвидсона и Д. Деннета. Они стремятся показать, что необходимым и достаточным условием приписывания свойства непогрешимости знанию о себе являются владение языком и включенность агента в социальные отношения. Метафизическое картезианское представление о приватности ментальных состояний ведет к возникновению скептической проблемы, связанной с тем, как возможно знание агента о любых объектах внешнего мира. Для того чтобы избавиться от этой проблемы, следует отказаться, прежде всего, от представления о приватности ментальных состояний. Этот отказ применительно к знанию о себе конкретизируется в том, что приписываемое ему свойство непогрешимости – это сложившаяся в социуме языковая практика, в которой высказываниям агентов о своих ментальных состояниях приписывается необходимая истинность.

Для К. Райта, чью позицию в целом принято именовать конститутивизмом, нахождение агента в ментальном состоянии эквивалентно его убеждению в этом. Эта эквиваленция является результатом присущего нам способа говорения, что, в свою очередь, означает, что для объяснения свойства непогрешимости знания о себе следует обращаться не к метафизике, а к существующей в социуме языковой практике [Wright, 1998, p. 121]. Все высказывания агента о своих ментальных состояниях истинны «по умолчанию» [Wright, 1989, p. 142] и считаются таковыми до тех пор, пока они не противоречат поведению агента и позволяют другим агентам успешно объяснять для себя это поведение. Ставить под сомнение истинность этих высказываний можно только в том случае, когда объяснять поведение агента ссылкой на его знание о себе не получается ввиду явных противоречий между его высказываниями и его поведением. Свою позицию К. Райт развивает на основании философии Л. Витгенштейна, который критиковал картезианское представление о знании о себе, указывая на то, что «грамматика» высказываний агента

о своих ментальных состояниях не совпадает с предполагаемой в картезианстве идеей о приватности этих состояний.

С точки зрения Д. Дэвидсона, картезианское понимание ментальных состояний как внутренних и частных ведет к отсутствию разграничения на то, каковы объекты в действительности, и то, каким образом они являются агенту. Именно отсутствие этого разграничения обуславливает в картезианстве свойство непогрешимости знания о себе. Однако для Д. Дэвидсона это свойство обуславливается грамматической асимметрией между высказываниями агента о своих ментальных состояниях от первого лица и высказываниями других агентов от третьего лица. Традиционно отдаваемый приоритет высказываниям от первого лица связан с различиями процесса интерпретации этих высказываний: делающий высказывание о своем ментальном состоянии агент не интерпретирует свои слова, в то время как слушающим агентам требуется начать процесс интерпретации высказываний первого [Davidson, 1984, p. 110]. Когда агент делает высказывание о своем ментальном состоянии, референтом этого высказывания не является частный объект – ментальное состояние. Напротив, высказывание агента отсылает только к этому самому высказыванию [Davidson, 1991, p. 63], вопрос о связи ментального состояния и высказывания о нем остается открытым.

Для Д. Деннета вопрос подобного рода в принципе не может быть поставлен, так как, с его точки зрения, высказывания агента о своих ментальных состояниях представляют собой нарративы – рассказы, создаваемые агентами о самих себе в соответствии с принятой в социуме языковой практикой высказываний. Эти рассказы не отсылают к ментальным состояниям вообще, они существуют без референта. Подобное радикальное понимание знания о себе исходит из того, что Д. Деннет рассматривает интенциональность как приписанную [Dennett, 1998b, p. 17], а самость агента как языковую конструкцию [Dennett, 1998a]. В соответствии с этим высказывания агента о своих ментальных состояниях получают свое истинностное значение только тогда, когда на базе этих высказываний некий интерпретатор (с позиции третьего лица) успешно предсказывает поведение агента.

Критика методологического аспекта картезианской концепции знания о себе

Тезис о привилегированном доступе агента к своим ментальным состояниям, который осуществляется благодаря интроспекции, подвергается критике англоязычными аналитическими философами с нескольких позиций.

Во-первых, критикуется представление об интроспекции по аналогии с восприятием объектов внешнего мира, или, иначе, представление об интроспекции как о квазивосприятии. Наибольший интерес в этом направлении критики представляет аргумент от самозаблуждения С. Шумейкера (self-blindness argument). С. Шумейкер предлагает попробовать помыслить рационального агента с хорошим интеллектом и владеющего понятием убеждения, но у которого отсутствует привилегированный доступ к своим убеждениям [Shoemaker, 1996, p. 226–229]. Такой агент именуется С. Шумейкером самозаблуждающимся, так как его состояние схоже с состоянием человека, страдающего от избирательной слепоты: он знает о том, что перед ним находится определенный объект, но непосредственным образом – при помощи зрения – приобрести знание он не может. Если концептуально возможно помыслить самозаблуждающегося агента, то интроспекция является квазивосприятием. Это обосновывается тем, что если способность восприятия объектов внешнего мира может давать сбой, то и у способности восприятия объектов внутреннего – ментального – мира тоже должна иметься возможность дать сбой, в результате которого агент ошибется в том, какое убеждение у него наличествует в данный момент.

Но, как утверждает С. Шумейкер, непротиворечивым образом помыслить такого агента невозможно: отличить самозаблуждающегося агента от агента, у которого имеется привилегированный доступ к своим убеждениям, не получится, так как в силу присущих обоим рациональности, интеллекта и концептуальных способностей они оба будут избегать вынесения парадоксальных суждений типа «идет дождь, но я в это не верю». Это связано с тем, что владеть понятием убеждения, – а по условиям аргумента самозаблуждающийся агент им владеет, – означает знать правила употребления данного понятия. В случае с понятием убеждения правила его употребления в естественном языке запрещают одновременное утверждение агентом истинности некоторого положения дел и отрицание у себя убеждения в наличии этого положения дел. Поэтому, даже если перед нами действительно находится самозаблуждающийся агент, у которого отсутствует осведомленность о своих убеждениях от первого лица, отличить его от обычных людей, у которых эта осведомленность имеется, невозможно: самозаблуждающийся агент будет следовать правилам употребления понятия убеждения, так как это наиболее рациональная стратегия поведения в нашем обществе, и не станет делать парадоксальных суждений, дабы случайно не выдать себя [Shoemaker, 2009, p. 37].

Во-вторых, отвергается представление об интроспекции как о процессе обращения агента внутрь своего ментального с целью обнаружения конкретных ментальных состояний. Основная трудность, связанная с таким представлением, заключается в невозмож-

ности объяснить феноменальные свойства самого процесса интроспекции, т.е. агент, интроспектируя свои ментальные состояния, описывает не их самих, а те объекты, на которые они направлены. Ф. Дретске справляется с этой трудностью за счет отказа от представления об интроспекции как о процессе обращения агента к своим внутренним ментальным состояниям, он рассматривает интроспекцию как «смещенное восприятие» (*displaced perception*) [Dretske, 1995]. Речь идет о том, что агент узнает о своих ментальных состояниях не посредством восприятия своих ментальных состояний, а посредством восприятия объектов внешнего мира, с которыми он вступает в определенные отношения.

Фактически Ф. Дретске продолжает традицию критики, начатую Г. Эвансом, который отмечал, что традиционное (картезианское) объяснение того, каким образом агент узнаёт знание о своих ментальных состояниях, неверно. Оно предполагает, что агенту для знания необходимо обратиться внутрь себя, дабы обнаружить свои ментальные состояния. Эта идея об обращении внутрь ведет к признанию наличия отдельной когнитивной способности – интроспекции – которая функционирует по аналогии со зрением. Однако Г. Эванс замечает, что приписывание себе убеждений на самом деле осуществляется более простым способом – агент обращается не внутрь себя, а вовне, т.е. к внешнему миру, в котором находятся условия истинности убеждений агента в некотором положении дел: «Приписывая себе убеждение, глаза [агента. – прим. автора] обращены, так сказать, – или иногда даже буквально – наружу, к миру. Если кто-то спросит меня: “как ты думаешь, будет ли третья мировая война?”, то, отвечая ему, я должен обращаться ровно к тому же самому внешнему феномену, к которому бы я обращался, если бы мне задали вопрос “будет ли третья мировая война?”. Я могу ответить на вопрос, убежден ли я, что *p*, применяя любую имеющуюся у меня процедуру для ответа на вопрос, имеет ли место *p*» [Evans, 1982, p. 225].

Позднее эта идея Г. Эванса получит свое развитие у А. Бёрна, который сформулирует правило прозрачности (*transparency rule*) для приписывания агентом себе не только убеждений, но и других видов ментальных состояний: если *p*, то имей убеждение, что ты убежден в том, что *p* [Burne, 2018, p. 102]. Следование агентом этому правилу подразумевает, что агент выносит суждение о своем ментальном состоянии, исходя из того, признает он *p* истинным или ложным. Если агент убежден в том, что *p* истинно, то он убежден в том, что у него есть убеждение об истинности *p*. В сходном ключе развивает свою «обходную» модель знания о себе (*bypass model*) и Х. Фернандес [Fernández, 2013], отмечая, что привилегированный доступ агента к своим ментальным состояниям и, как следствие, знание об этих состояниях обосновывается приписыванием себе убеждений на базе имеющихся у агента оснований для такого приписывания (именно

эту процедуру приписывания Х. Фернандес и именует «обходом»). В качестве оснований для убеждений агента выступают положения дел в мире, которые и подтверждают обоснованность агента в том, что у него имеются определенные убеждения.

Данный вид критики методологического аспекта картезианской модели знания о себе приводит к пересмотру и основного свойства ментальных состояний. Так, вместо картезианского свойства приватности, из которого следует необходимость наличия у агента привилегированного доступа, ментальным состояниям начинает приписываться свойство прозрачности (transparency). Речь идет о том, что для агента его ментальные состояния являются прозрачными в том смысле, что он смотрит «сквозь» них на внешний мир, чтобы определить, какое положение дел имеет место в этом мире.

В-третьих, в англоязычной аналитической философии под вопрос ставится предполагаемый в картезианском представлении об интроспекции тезис о предсуществовании ментальных состояний. Так, Р. Моран [Moran, 2001] объясняет специфику картезианского подхода к знанию о себе через указание на разрыв между ментальным состоянием агента и его осведомленностью о нем. Этот разрыв формирует так называемую теоретическую – пассивную – установку, которую принимает агент по отношению к своим ментальным состояниям. Именно эта установка обуславливает возможность интроспекции, понятой как восприятие объектов внутреннего мира: ментальные состояния агента существуют сами по себе, на долю агента выпадает только пассивно созерцать их в процессе интроспекции, тем самым приобретая знание о них. Теоретическая установка в картезианстве предполагает не только реализм в отношении ментальных состояний – предсуществование ментальных состояний до того, как агент начнет их интроспекцию, – но и отчужденность (estrangement) агента от них, и поэтому утверждать, что у агента имеется знание о своих ментальных состояниях от первого лица, нельзя.

Решение Р. Морана заключается в том, чтобы сменить теоретическую установку на установку практическую – вместо теоретического вопроса «в каком ментальном состоянии я нахожусь?» агенту следует задавать практический вопрос «в каком ментальном состоянии мне следовало бы находиться?». Практический вопрос не подразумевает, что агент пытается обнаружить при помощи интроспекции то ментальное состояние, в котором он находится, напротив, он фактически конституирует это ментальное состояние. Это связано с тем, что агент занимает активную позицию – он подбирает рациональные причины для нахождения себя в таком ментальном состоянии и несет ответственность за принятое им решение относительно того, в каком ментальном состоянии он находится. Закономерным следствием идеи Р. Морана становится признание того, что приобретение агентом знания о себе – это самоинтерпретация [Moran, 1988, p. 135],

суть которой состоит в том, что агент пытается рационально обосновать наличие у себя ментального состояния и тем самым конструирует его. В этом аспекте его концепция близка идее нарративной самости Д. Деннета, о которой говорилось ранее.

В-четвертых, англоязычные аналитические философы подвергают критике представление о референте местоимения «я», задействованного в интроспективных отчетах агента. Наиболее показательной здесь является позиция сторонников неозэкспрессивизма – Д. Бар-Он, Д. Финкельштейна, М. Грина. В частности, Д. Бар-Он остро критикует картезианский способ объяснения эпистемической непогрешимости высказываний агента о своих ментальных состояниях [Bar-On, 2004, p. 35]. Этот способ заключается в особой семантике местоимения «я», которая не допускает наличия семантической дистанции между корректным и некорректным (ошибочным) употреблением понятия: успешность референции местоимения «я» в высказываниях агента о своих ментальных состояниях обусловлена имеющимся у него привилегированным доступом к этим состояниям. То есть в картезианстве агент не может совершить ошибку в идентификации себя как объекта референции, которому он приписывает определенные ментальные состояния. Этим объектом обычно выступает эго. В результате отсутствия семантической дистанции у местоимения «я» встает вопрос о том, действительно ли тогда «я» является референциальным выражением, ведь у него по определению должна наличествовать подобная дистанция. Вслед за Э. Энском [Anscombe, 1981, p. 30–31] Д. Бар-Он отвечает на этот вопрос отрицательно. Непогрешимость знания о себе она предлагает понимать не в картезианском смысле – как обусловленную наличием нематериального референта эго, – а в витгенштейнианском – как обусловленную выразительным (expressive) характером высказываний агента о своих ментальных состояниях. Речь идет о том, что для неозэкспрессивистов высказывания агента о своих ментальных состояниях не являются интроспективными отчетами об обнаруженных им ментальных состояниях, а представляют собой выражения этих состояний, близкие естественным выражениям ментальных состояний наподобие улыбок, смеха, плача и т.д. Но если для экспрессивизма, являющегося наследником взглядов Л. Витгенштейна, характерен принципиальный отказ от оценки истинности высказываний агента о своих ментальных состояниях, понятых как языковые выражения, замещающие естественные выражения, то для неозэкспрессивизма такие высказывания имеют схожую логико-семантическую структуру с любыми другими высказываниями и поэтому могут иметь истинное или ложное значение.

Д. Финкельштейн [Finkelstein, 2003] тоже опирается на идею Л. Витгенштейна о том, что приписывание агентом самому себе ментальных состояний замещает его естественные проявления ментальных состояний, но склоняется к неозэкспрессивистскому подходу

в стиле Д. Бар-Он. Однако в отличие от нее он полагает, что ментальное состояние и его выражение должны рассматриваться как единый комплекс, а не как два объекта, между которыми существует причинно-следственная связь (т.е. когда ментальное состояние понимается как причина, а сам акт выражения – как следствие этого состояния). Д. Финкельштейн конкретизирует идею прозрачности ментальных состояний относительно внешнего мира через указание на то, что высказывания агента «я убежден в том, что p » и « p » – это просто два различных способа, какими агент может выразить свое ментальное состояние убежденности в том, что p [Finkelstein, 2012, p. 116].

Экспрессивистский подход к эмоциям и ощущениям развивает также и А. Коллива [Colliva, 2016]. С ее точки зрения, неэкспрессивизм в отношении убеждений не работает, убеждения следует объяснять через позицию конститутивизма, а вот ощущения и эмоции – т.е. такие ментальные состояния, у которых имеется определенная феноменология («каково это для агента находиться в данном состоянии») – следует рассматривать как непосредственные выражения ментальных состояний агента. В противовес идее А. Колливы о том, что знание о себе нельзя свести только к знанию агента о своих убеждениях и, как следствие, объяснять только через один подход, М. Грина пытается представить единую концепцию выразительного поведения агентов – от естественных выражений до конвенциональных выражений (невербальных и вербальных) – в которой знание агента о своих ментальных состояниях сближается со способностью агента демонстрировать свои ментальные состояния окружающим, иначе – выражать. Однако такую неэкспрессивистскую позицию М. Грина нельзя отнести к антикартезианским подходам, так как он открыто заявляет о том, что «для того чтобы быть выраженным, от состояния требуется не что иное, как быть таким видом состояний, который можно узнать посредством интроспекции» [Green, 2007, p. 39].

Критика семантического аспекта картезианской концепции знания о себе

Аргументы против картезианского интернализма в англоязычной аналитической философии направлены на то, чтобы доказать, что и значения понятий, и содержания ментальных состояний зависят от окружающей среды агента. Первый вид аргументов – аргументы сторонников естественного экстернализма – указывает на то, что значения и содержания зависят от условий окружающей этих агентов природной среды. Второй вид аргументов – аргументы сторонников социального экстернализма – указывает на то, что значения и содержания зависят от социальной и языковой среды агентов.

Иллюстрацией первого вида аргументов являются преимущественно аргументы Х. Патнэма, Т. Бёрджа и Д. Дэвидсона. Х. Патнэм предлагает аргумент о двойнике Земли [Putnam, 1975, p. 224], основная пресуппозиция которого заключается в том, что различие в экстенционалах понятий (в частности, терминов естественных видов) влечет за собой различие их интенционалов. Если на Земле референтом понятия воды является жидкость, чья химическая структура – H_2O , то на двойнике Земли референтом понятия будет выступать жидкость, чья химическая структура – XYZ . Следовательно, истинностные условия высказывания «вода прозрачная» будут отличаться у Оскара и двойника Оскара, так как первый отсылает к H_2O , а второй – к XYZ . Из этого Х. Патнэм заключает, что Оскар и двойник Оскара не могут находиться в одинаковых ментальных состояниях, ведь содержание их убеждений, связанное со значениями понятий, зависит от химической структуры объекта, о котором у них имеются убеждения, а это демонстрирует, что значения понятий и содержания ментальных состояний зависят от условий окружающей среды.

Т. Бёрдж модифицирует аргумент Х. Патнэма так, чтобы его можно было использовать в качестве аргумента против интернализма не только в отношении содержания ментальных состояний, но и в отношении природы этих состояний: так как ментальные состояния индивидуализируются посредством их содержания, которое зависит от условий окружающей агента среды, то условием возможности наличия этих состояний в широком смысле выступает сама окружающая среда [Burge, 2007, p. 156]. Т. Бёрдж рассматривает ситуацию [Burge, 1988], в которой у Оскара имеется убеждение «вода влажная», а у его двойника Тоскара с двойника Земли – убеждение «двойник воды влажный». Содержания убеждений Оскара и Тоскара будут отличаться друг от друга, так как Оскар думает о воде (H_2O), а Тоскар – о двойнике воды (XYZ). Из этого различия должен следовать вывод о том, что условиями возможности убеждений агентов выступают внешние для них объекты. Преимуществом экстерналистского подхода является возможность преодоления разрыва между ментальными состояниями агента и внешним миром – на это указывал еще Дж. Макдауэлл, когда объяснял [McDowell, 1986], что отношение между мышлением (и языком) и миром обусловлено тем, что объекты внешнего мира напрямую конституируют мысли агента об этом мире.

Экстерналистская стратегия критики картезианства сталкивается с довольно очевидным, на первый взгляд, возражением о том, что она несовместима с идеей знания о себе вообще: «Если бы вы могли знать *a priori*, что вы находитесь в ментальном состоянии, и ваше нахождение в этом ментальном состоянии концептуально или логически предполагает существование внешних объектов, то вы могли бы знать *a priori*, что внешний мир существует. Поскольку очевидно,

что вы не можете знать *a priori*, что внешний мир существует, вы также не можете знать *a priori* и то, что вы находитесь в данном ментальном состоянии» [McKinsey, 1991, p. 16; Boghossian, 1997]. Однако из знания *a priori* о своих убеждениях может следовать только то, что существуют какие-либо объекты, к которым отсылают эти убеждения, но что это за объекты – узнать можно только *a posteriori*. Э. Брюкнер отмечает [Brueckner, 1992], что такой ответ на возражение спасает экстернализм от обвинения в несовместимости с идеей знания о себе. Тем не менее сближение знания о себе и знания *a priori* видится картезианским по своей природе шагом, что снижает эффективность возражения в целом. В рамках развития эпистемического экстернализма Дж. Хотторн аргументирует [Hawthorne, 2007], что разграничение убеждений *a priori* и убеждений *a posteriori* – достаточно сложное занятие и оно не играет значительной роли в эпистемологии. Вследствие этого указание на подобное разграничение и обосновываемое с его помощью представление знания о себе как знания *a priori* не должны угрожать экстерналистскому подходу.

В несколько ином ключе развивает свой аргумент о «Болотном человеке» Д. Дэвидсон: он основывается на идее о том, что тождество физических свойств индивидов влечет за собой тождество их поведения, но не тождество их интенциональных ментальных состояний, и демонстрирует зависимость содержания ментальных состояний агента от его истории взаимоотношений с объектами окружающей среды, в результате которых он приобретает значения понятий. Д. Дэвидсон предлагает помыслить [Davidson, 1987, p. 20] «Болотного человека» – точную физическую копию самого Д. Дэвидсона, возникшую в результате удара молнии в дерево на болоте, где он в тот момент находился. Эта копия Д. Дэвидсона ведет себя так же, как вел бы себя настоящий Д. Дэвидсон, и, по всей видимости, должна обладать теми же самыми ментальными состояниями, что и он. Однако у «Болотного человека» фактически отсутствуют ментальные состояния, так как у его понятий отсутствуют значения: агент может мыслить понятия тогда и только тогда, когда у него имеется определенный опыт взаимодействия с референтами этих понятий. Каузальная концепция значения, сторонником которой выступает Д. Дэвидсон, имплицитно предполагает отказ от интерналистского подхода к значению понятий и содержанию ментальных состояний.

Основным аргументом в пользу социального экстернализма является аргумент Т. Бёрджа об артрите [Burge, 1988, p. 78–79]. Его пресуппозицией является предложенная Х. Патнэмом идея об универсальном лингвистическом разделении труда [Putnam, 1975, p. 227–229] – идея о том, что агенты, существующие в лингвистическом сообществе, не владеют полными значениями всех понятий, а «разделяют» эти значения между собой. Полным значением некоторого понятия владеет только лингвистическое сообщество в целом. Т. Бёрдж

предлагает представить ситуацию, в которой Альф приходит на прием к врачу и высказывает убеждение в том, что у него развился артрит бедра, однако врач отвечает, что это убеждение ложно, так как артрит – это воспаление сустава, коим бедро не является. Далее он предлагает помыслить контрафактическую ситуацию, в которой точно такой же Альф приходит на прием к точно такому же врачу с точно таким же высказыванием, но понятие артрита используется для обозначения еще и ревматических костных заболеваний, и тогда убеждение Альфа в том, что у него артрит бедра, было бы истинным. Вывод, который делает Т. Бёрдж из этого мысленного эксперимента, следующий: так как все внутренне присущие свойства Альфа в обеих ситуациях одинаковые, то истинность убеждения Альфа зависит от социально-лингвистических факторов, которые являются внешними по отношению к Альфу. Фактически данный аргумент основывается на принятии двух положений – положения о неполном понимании агентом значения используемых им понятий и положения о недостатке у агента экспертного знания, который не мешает ему определять содержание своих ментальных состояний.

Также критика семантического аспекта картезианской концепции знания о себе основывается на признании публичной природы языка, что эквивалентно отрицанию возможности существования индивидуального языка. Ключевой фигурой данной стратегии критики является, безусловно, Л. Витгенштейн с его аргументом против индивидуального языка, т.е. такого языка, в котором значения слов, используемых агентом для описания своих ментальных состояний, были известны только этому агенту [Wittgenstein, 2009]. Радикализация этого аргумента С. Крипке [Kripke, 1982] приводит к идее о том, что у понятий вообще нет фиксированных значений и, следовательно, невозможно зафиксировать и содержания ментальных состояний агента.

Представленные выше аргументы критики семантического аспекта картезианской концепции знания о себе в основном реализуются в рамках методологической стратегии мысленных экспериментов. Другая методологическая стратегия предполагает защиту экстернализма посредством формализации дедуктивных рассуждений, в результате чего доказывается истинность экстернализма. Такую стратегию избирают, в частности, Ю. Юли-Ваккури и Дж. Хотторн, фокусируясь на доказательстве того, что понятие содержания ментального состояния в узком смысле – такого содержания, которое детерминировано внутренними свойствами агента и которое признается сторонниками интернализма и отрицается сторонниками экстернализма – не имеет теоретической значимости и, следовательно, экстернализм, обходящийся без этого понятия, является более успешным подходом, чем интернализм [Hawthorne, Yli-Vakkuri, 2018; Yli-Vakkuri, 2017].

Критика логико-эпистемического аспекта картезианской концепции знания о себе

Основным аргументом против КК-принципа в англоязычной аналитической философии можно считать аргумент антисветимости Т. Уильямсона [Williamson, 2002, p. 93–134]. Данный аргумент направлен на доказательство того, что эпистемический доступ агента к своим ментальным состояниям ограничен и агент не всегда знает о том, в каком ментальном состоянии он находится в настоящий момент. Т. Уильямсон определяет сущностное свойство ментальных состояний в картезианстве как «светимость» (luminosity): «Для каждого случая α верно, что если в α имеет место [условие] C , то субъект в состоянии знать о том, что C имеет место» [Ibid., p. 95]. Ментальные состояния «светятся», и по этой причине агент в состоянии обнаружить их у себя, тем самым приобретая о них знание. Суть аргумента антисветимости заключается в том, что любое ментальное состояние, которое агент может постепенно приобретать и затем постепенно терять, не является «светящимся». Это связано с тем, что агент не в состоянии установить четкий момент времени в миллисекундах, в который он перестает находиться в этом состоянии и начинает находиться в другом состоянии. Т. Уильямсон выбирает в качестве примера для своего аргумента состояние ощущения холода: утром агенту холодно, затем он постепенно согревается, и к полудню ему становится тепло. Утром и в полдень агент в состоянии знать о том, в каком ментальном состоянии он находится, но если мы вслед за Т. Уильямсоном принимаем принцип предела погрешности (margin of error principle) – когнитивные способности агента таковы, что он не может определить с точностью до миллисекунды, когда он начинает чувствовать тепло – обосновываемый принципом безопасности знания (safety principle), то мы не можем более утверждать о том, что к полудню агент будет знать о том, что ему уже тепло. Так как принятие данных принципов сомнению с позиции Т. Уильямсона не подлежит, а одновременное принятие этих трех принципов ведет к противоречию (агент не в состоянии знать, что ему тепло в полдень, но по условиям предложенной Т. Уильямсоном ситуации агент знает о том, что ему тепло в полдень), то отказаться следует от КК-принципа и, как следствие, от картезианской идеи светимости ментальных состояний.

Более развернутую критику КК-принципа Т. Уильямсон реализует на следующем примере [Ibid., p. 114–119]: мистер Магу, у которого очень плохое зрение, но который не носит очки, увидел вдали дерево. Мы можем утверждать, что мистер Магу приобрел определенное знание о высоте этого дерева, исходя из опыта своего зрительного восприятия: он не знает точную высоту дерева в дюймах,

но он знает, что оно точно выше 60 дюймов, но ниже 6000 дюймов. В действительности высота дерева 666 дюймов. Т. Уильямсон снова вводит принцип предела погрешности – так как зрительные способности мистера Магу не позволяют ему с точностью до дюйма определить высоту дерева – который совместно с КК-принципом (если мистер Магу знает, что дерево не 60 дюймов, то он знает об этом) и принципом замкнутости знания приводит к противоречию (мистер Магу знает, что дерево не 666 дюймов, но в действительности дерево 666 дюймов). Для решения этого противоречия, с точки зрения Т. Уильямсона, необходимо отказаться от КК-принципа.

Также Т. Уильямсон приводит еще одну иллюстрацию того, что агент не всегда в состоянии знать о своих ментальных состояниях [Williamson, 2002, p. 99]: гражданин N.N. знает о том, что Линкольн – президент США; но он еще не слышал новостей о том, что Линкольн был только что застрелен в театре, а это значит, что с момента выстрела в Линкольна N.N. более не знает о том, что Линкольн – президент США (ведь знание возможно только по отношению к истинным пропозициям, а пропозиция «Линкольн – президент США» перестала быть таковой, как только Линкольн был застрелен). В результате N.N. не в состоянии знать, что с его знанием что-то не так. Эта иллюстрация демонстрирует нарушение К-не-К-принципа, или аксиомы негативной интроспекции, которая утверждает, что если агент не знает, что *p*, то он знает о том, что он не знает, что *p*. Этот принцип эпистемической логики, близкий по своему смыслу КК-принципу в контексте картезианской концепции знания о себе, критикуется, в частности, Р. Столнейкером [Stalnaker, 2009].

Аргумент антисветимости Т. Уильямсона предпочтительнее рассматривать в качестве аргумента против позиции конститутивизма, о которой говорилось ранее [Srinivasan, 2015, p. 316–318]. Конститутивизм, помимо всего прочего, предполагает, что знание о себе не следует понимать как «когнитивное достижение» (cognitive achievement), что ведет к признанию за знанием о себе свойства бесосновности. Пользуясь терминологией Т. Уильямсона, мы можем сказать, что светимость ментальных состояний обеспечивает наличие свойства бесосновности у знания о себе. Аргумент антисветимости фактически опровергает эту идею, и основным его следствием становится сближение знания о себе со знанием об объектах внешнего мира. Указанное сближение позволяет включить в рассмотрение эпистемические аспекты картезианской философии, которые, как может показаться, напрямую не связаны с представлением о знании о себе. Так, проблема картезианского скептицизма в отношении чувственных данных может быть рассмотрена сквозь призму КК-принципа: М. Штайнер реконструирует рассуждение Р. Декарта о том, что существование внешнего мира может оказаться

всего лишь сном, так, что оно требует от Р. Декарта принятие КК-принципа [Steiner, 1979]. Преодоление картезианского скептицизма в таком случае становится возможным благодаря отказу от КК-принципа.

Также в рамках данной стратегии критики картезианской концепции знания о себе невозможно не упомянуть еще один эпистемический принцип, сомнения в котором возникают у англоязычных аналитических философов. Речь идет о принципе замкнутости знания: если агент знает, что p , и из p следует q , то агент знает q . Аргумент Т. Уильямсона против КК-принципа с определенными модификациями допустимо рассматривать в качестве аргумента против принципа замкнутости знания [Immerman, 2020], однако наиболее явную критику данного принципа принято связывать с именами Ф. Дретске [Dretske, 1970], Р. Нозика [Nozick, 1981] и Э. Голдмана [Goldman, 1976]. Так, один из наиболее известных контрпримеров соблюдения принципа замкнутости знания принадлежит Ф. Дретске: если агент видит в зоопарке зебру, то он знает о том, что перед ним зебра, на основании своего зрительного восприятия; одним из логических следствий этого знания должен быть тот факт, что агент также знает, что животное перед ним – это не мул, выдаваемый руководством зоопарка за зебру; однако никаких причин на самом деле знать о том, что животное перед ним зебра, а не мул, у агента нет, и поэтому знать логическое следствие своего знания о том, что перед ним зебра, – а именно это предполагает принцип замкнутости знания, – он не может.

Этот пример Ф. Дретске как раз указывает на одну из основных сложностей с данным принципом: агент может знать p , знать про отношения следования между p и q , но не знать, а только иметь убеждение в том, что q . Еще одной сложностью принятия этого принципа является возникающая проблема логического всеведения. В контексте знания о себе соблюдение этого принципа вновь означает принятие позиции конститутивизма, так как из нахождения агента в ментальном состоянии следует его знание о нахождении в этом состоянии.

Парадокс Фитча [Fitch, 1963] в определенном аспекте тоже может рассматриваться в качестве требующей решения проблемы в рамках развития антикартезианской концепции знания о себе. Его суть заключается в следующем: из а) существуют истинные пропозиции, которые в какой-либо момент времени не знает ни один агент в мире, и б) если пропозиция истинна, то она в принципе может быть известна кому-либо в какой-либо момент времени, следует, с) любая истинная пропозиция известна кому-либо в какой-либо момент времени. Из того, что истинность второпорядковых убеждений агента о своих ментальных состояниях зависит от истинности его первопорядковых убеждений (или иных ментальных состояний) следует, что, согласно парадоксу Фитча, агент может знать всё о своих ментальных состояниях. Возможные решения [Williamson,

1987; Tennant, 1997] этого парадокса в эпистемической логике должны помочь преодолеть картезианскую по своей сущности идею о том, что все ментальные состояния доступны агенту для познания.

Заключение

В завершение анализа основных стратегий критики картезианской концепции знания о себе в англоязычной аналитической философии следует отметить, что представленные стратегии далеки от того, чтобы назвать их успешными в полной мере. Возникающие в результате реализации этих стратегий собственные концепции англоязычных аналитических философов либо ведут к нежелательным следствиям, либо сами страдают от неявных картезианских допущений.

Так, критика метафизического аспекта уязвима, поскольку ее результатом становится элиминация содержания понятия знания о себе, ведущая к представлению о проблеме объяснения специфики данного вида знания как о псевдопроблеме (особенно это явно в концепциях Г. Райла и Д. Деннета). Позицию сторонников конститутивизма объединяет с картезианством идея о том, что между ментальными состояниями агента и его знанием о них существует необходимая связь. Критика методологического аспекта вызывает большое количество вопросов относительно предлагаемых на смену картезианской интроспекции способов приобретения знания о себе: не получается ли так, что агент только имитирует знание о себе в концепции С. Шумейкера [Vugne, 2005, p. 92]? Не приводит ли правило прозрачности А. Бёрна к тому, что агент не в состоянии знать о своих ментальных состояниях, пока его не спросят об этом [Gertler, 2011, p. 125–145]? Не получается ли так, что у Р. Морана агент никогда не знает о своих ментальных состояниях, а только решает, в каком из них ему рационально находиться, а в каком нет? Более эффективной выглядит критика семантического аспекта концепции знания о себе, однако и у нее есть свои сложности. Например, уже упомянутое возражение о несовместимости экстернализма и идеи знания о себе в целом. Последняя рассмотренная стратегия критики картезианской концепции знания о себе тоже не лишена недостатков. Оба принципа, на которых основывается аргумент антисветимости Т. Уильямсона, а именно принцип безопасности знания и принцип предела погрешности, выглядят достаточно сильными для концепции знания вообще и по этой причине не имеют однозначной поддержки среди англоязычных аналитических философов [Berker, 2008; Brueckner, Fiocco, 2002].

Подобная не очень оптимистичная оценка существующих стратегий критики картезианской концепции знания о себе англоязычными

аналитическими философами может, с одной стороны, подвести к принятию идеи того, что преодоление данной концепции знания о себе не реализуемо в принципе. С другой стороны, отсутствие успешности стратегий критики не должно с необходимостью расцениваться как *reductio ad absurdum* в пользу картезианства, так как если базовые интуиции аргументов носят антикартезианский характер, то всегда остается надежда на то, что однажды эти интуиции смогут быть воплощены более удачным образом.

Список литературы / References

Anscombe, 1981 – Anscombe, G.E.M. “The First Person”, in: G.E.M. Anscombe. *The Collected Philosophical Papers. Vol. 2. Metaphysics and the Philosophy of Mind*. Oxford: Basil Blackwell, 1981, pp. 21–36.

Bailey, 1979 – Bailey, G.W.S. *Privacy and the Mental*. Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press, 1979, 175 pp.

Bar-On, 2004 – Bar-On, D. *Speaking My mind. Expression and Self-knowledge*. New York: Oxford University Press, 2004, 449 pp.

Berker, 2008 – Berker, S. “Luminosity Regained”, *Philosophers’ Imprint*, 2008, vol. 8, no. 2, pp. 1–22.

Bilgrami, 2006 – Bilgrami, A. *Self-knowledge and Resentment*. Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 2006, 401 pp.

Boghossian, 1997 – Boghossian, P. “What the Externalist Can Know A Priori”, *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1997, vol. 97, pp. 161–175.

Brueckner, 1992 – Brueckner, A. “What an Anti-Individualist Knows A Priori”, *Analysis*, 1992, vol. 52, no. 2, pp. 111–118.

Brueckner, Fiocco, 2002 – Brueckner, A., Fiocco, M.O. “Williamson’s Anti-Luminosity Argument”, *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, 2002, vol. 110, no. 3, pp. 285–293.

Burge, 1986 – Burge, T. “Cartesian error and the objectivity of perception”, in: P. Pettit, J. McDowell (eds.). *Subject, Thought, and Context*. Oxford: Clarendon Press, 1986, pp. 117–136.

Burge, 2007 – Burge, T. “Postscript to ‘Individualism and the Mental’”, in: T. Burge. *Foundations of Mind (Philosophical Essays. Vol. 2)*. Oxford: Clarendon Press, 2007, pp. 151–181.

Burge, 1988 – Burge, T. “Individualism and Self-Knowledge”, *Journal of Philosophy*, 1988, vol. 85, pp. 649–663.

Byrne, 2005 – Byrne, A. “Introspection”, *Philosophical Topics*, 2005, vol. 33, no. 1, pp. 79–104.

Byrne, 2018 – Byrne, A. *Transparency and Self-knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 2018, 227 pp.

Carruthers, 2011 – Carruthers, P. *The Opacity of Mind: An Integrative Theory of Self-Knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 2011, 448 pp.

Cassam, 2009 – Cassam, Q. “The Basis of Self-Knowledge”, *Erkenntnis*, 2009, vol. 71, no. 1, pp. 3–18.

Cassam, 2014 – Cassam, Q. *Self-Knowledge for Humans*. Oxford: Oxford University Press, 2014, 238 pp.

Colliva, 2016 – Colliva, A. *The Varieties of Self-Knowledge*. London: Palgrave Macmillan, 2016, 304 pp.

Davidson, 1984 – Davidson, D. “First Person Authority”, *Dialectica*, 1984, vol. 38, no. 2/3, pp. 101–111.

Davidson, 1987 – Davidson, D. “Knowing One’s Own Mind”, *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 1987, vol. 60, no. 3, pp. 441–458.

Davidson, 1991 – Davidson, D. “What is Present to Mind?”, *Philosophical Issues*, 1991, vol. 1, pp. 197–213.

Dennett, 1998a – Dennett, D. “Why Everyone is a Novelist”, *The Times Literary Supplement*, 1998, vol. 16–22, no. 4, pp. 1016, 1028–1029.

Dennett, 1998b – Dennett, D. *Intentional Stance*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1998, 400 pp.

Dretske, 1970 – Dretske, F. “Epistemic Operators”, *The Journal of Philosophy*, 1970, vol. 67, no. 24, pp. 1007–1023.

Dretske, 1995 – Dretske, F. *Naturalizing Mind*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1995, 208 pp.

Evans, 1982 – Evans, G. *Varieties of Reference*. Oxford: Oxford University Press, 1982, 436 pp.

Fernández, 2013 – Fernández, J. *Transparent Minds. The Study of Self-Knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 2013, 240 pp.

Finkelstein, 2012 – Finkelstein, D. “From Transparency to Expressivism”, in: G. Abel, J. Conant (eds.). *Rethinking Epistemology*. Berlin: Walter De Gruyter, 2012, pp. 101–118.

Finkelstein, 2003 – Finkelstein, D. *Expression and the Inner*. Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 2003, 194 pp.

Fitch, 1963 – Fitch, F. “A Logical Analysis of Some Value Concepts”, *Journal of Symbolic Logic*, 1963, vol. 28, no. 2, pp. 135–142.

Fricker, 1998 – Fricker, E. “Self-Knowledge: Special Access Versus Artefact of Grammar – A Dichotomy Rejected”, in: C. Macdonald, B. Smith, C. Wright (eds.). *Knowing Our Own Minds: Essays on Self-Knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 1998, pp. 155–206.

Gertler, 2011 – Gertler, B. “Self-Knowledge and the Transparency of Belief”, in: A. Hatzimoysis (ed.). *Self-knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 2011, pp. 125–145.

Goldman, 1976 – Goldman, A.I. “Discrimination and Perceptual Knowledge”, *Journal of Philosophy*, 1976, vol. 73, no. 20, pp. 771–791.

Green, 2007 – Green, M.S. *Self-Expression*. Oxford: Oxford University Press, 2007, 240 pp.

Hawthorne, 2007 – Hawthorne, J. “A Priority and Externalism”, in: S. Goldberg (ed.). *Internalism and Externalism in Semantics and Epistemology*. Oxford: Clarendon Press, 2007, pp. 201–218.

Hawthorne, Yli-Vakkuri, 2018 – Hawthorne, J., Yli-Vakkuri, J. *Narrow Content*. Oxford: Oxford University Press, 2018, 213 pp.

Hintikka, 1962 – Hintikka, J. *Knowledge and Belief. An Introduction to the Logic of the Two Notions*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1962, 189 pp.

- Immerman, 2020 – Immerman, D. “Williamson, Closure, and KK”, *Synthese*, 2020, vol. 197, no. 8, pp. 3349–3373.
- Kripke, 1982 – Kripke, S. *Wittgenstein on Rules and Private Language*. Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 1982, 160 pp.
- McDowell, 1986 – McDowell, J. “Singular Thought and the Extent of Inner Space”, in: P. Pettit, J. McDowell (eds.). *Subject, Thought, and Context*. Oxford: Clarendon Press, 1986, pp. 136–168.
- McKinsey, 1991 – McKinsey, M. “Anti-Individualism and Privileged Access”, *Analysis*, 1991, vol. 51, no. 1, pp. 9–16.
- Moran, 1988 – Moran, R. “Making up Your Mind”, *Ratio*, 1988, vol. 1, no. 2, pp. 135–151.
- Moran, 2001 – Moran, R. *Authority and Estrangement. An Essay on Self-Knowledge*. Princeton: Princeton University Press, 2001, 256 pp.
- Myers, 1986 – Myers, G.E. “Introspection and Self-Knowledge”, *American Philosophical Quarterly*, 1986, vol. 23, no. 2, pp. 199–207.
- Nozick, 1981 – Nozick, R. *Philosophical Explanations*. Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 1981, 752 pp.
- Putnam, 1975 – Putnam, H. “The Meaning of ‘Meaning’”, in: H. Putnam. *Philosophical Papers. Vol. II: Mind, Language, and Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975, pp. 215–271.
- Ryle, 2009 – Ryle, G. *The Concept of Mind*. Oxford: Routledge, 2009, 377 pp.
- Shoemaker, 1996 – Shoemaker, S. “Self-knowledge and ‘Inner Sense’. Lecture II: The Broad Perceptual Model”, in: S. Shoemaker. *The First-Person Perspective and Other Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, pp. 224–245.
- Shoemaker, 2009 – Shoemaker, S. “Self-Intimation and Second Order Belief”, *Erkenntnis*, 2009, vol. 71, pp. 35–51.
- Srinivasan, 2015 – Srinivasan, A. “Are We Luminous”, *Philosophy and Phenomenology Research*, 2015, vol. 90, no. 2, pp. 294–319.
- Stalnaker, 2015 – Stalnaker, R. “Luminosity and the KK-thesis”, in: S. Goldberg (ed.). *Externalism, Self-Knowledge, and Skepticism: New Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, pp. 19–40.
- Stalnaker, 2009 – Stalnaker, R. “On Hawthorne and Magidor on Assertion, Context, and Epistemic Accessibility”, *Mind*, 2009, vol. 118, no. 470, pp. 399–409.
- Steiner, 1979 – Steiner, M. “Cartesian Scepticism and Epistemic Logic”, *Analysis*, 1979, vol. 39, no. 1, pp. 38–41.
- Tennant, 1997 – Tennant, N. “Truth as Knowable”, in: N. Tennant. *The Taming of the True*. Oxford: Oxford University Press, 1997, pp. 245–281.
- Williamson, 1987 – Williamson, T. “On the Paradox of Knowability”, *Mind*, 1987, vol. 96, pp. 256–261.
- Williamson, 2002 – Williamson, T. *Knowledge and Its Limits*. Oxford: Oxford University Press, 2002, 352 pp.
- Wittgenstein, 2009 – Wittgenstein, L. *Philosophical Investigations*, trans. by P.M.S. Hacker, J. Schulte. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009, 321 pp.
- Wright, 1998 – Wright, C. “Self-knowledge: The Wittgensteinian Legacy”, *Royal Institute of Philosophy Supplement*, 1998, vol. 43, pp. 101–122.
- Wright, 1989 – Wright, C. “Wittgenstein’s Later Philosophy of Mind: Sensation, Privacy and Intention”, *Journal of Philosophy*, 1989, vol. 86, no. 11, pp. 622–634.
- Yli-Vakkuri, 2017 – Yli-Vakkuri, J. “Semantic Externalism without Thought Experiments”, *Analysis*, 2017, vol. 78, no. 1, pp. 81–89.